

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.343.6

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-192-205>

О критериях систематизации криминальных рисков и о факторах преступности в миграционной сфере современной России

В.Е. Новичков¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Важность данного исследования определяется потребностью в непрерывном анализе криминогенной опасности, сопутствующей миграционным потокам, изучением общих социальных, групповых и индивидуальных характеристик мигрантов, прибывающих в Россию по разным причинам, и необходимостью систематизации криминальных угроз и рисков.

Цель: переоценка рисков, связанных с криминальной активностью в миграционных потоках, для уточнения существующих в правовой теории и правоприменительной практике критериев классификации личности преступника из числа иностранных граждан и лиц без гражданства.

Задачи: получение объективных данных о динамике и удельном весе миграционной преступности; изучение и определение опасностей, присущих миграционным потокам, а также направлений их эволюции; выявление факторов влияния на состояние миграции и личностные характеристики мигрантов, порождающие криминальные риски в Российской Федерации; систематизация и анализ полученных сведений и формулирование выводов проведенного исследования.

Методология. При изучении проблемы исследования применялись общие и особенные методы познания: диалектический, статистический методы, метод сравнительного анализа, синтез, дедукция и индукция, системно-структурный, социологический методы и контент-анализ.

Результаты. Проанализированы особенности современной миграции, поведения мигрантов и их влияние на возникновение криминальных и иных рисков и угроз в России, детализированы факторы, влияющие на совершение преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также возможности воздействия на поведение мигрантов современного законодательства и правоприменения; сделаны определенные выводы.

Выводы. Результаты данного исследования способствуют более глубокому научному пониманию механизмов влияния особенностей современной миграции на индивидуальное преступное поведение и деформацию поведения криминального мигранта, на возникновение криминальных рисков и преступлений в современной России. В работе обосновываются поведенческие особенности мигрантов, которые могут трансформироваться в различные виды социальных рисков, представляющих угрозу государству и гражданам России. Отмечается, что поведенческие особенности мигрантов при определенных условиях являются пусковым механизмом процессов создания рисков и совершения преступлений, что предопределяет одно из направлений профилактики преступности в миграционной сфере.

Ключевые слова: миграция; мигранты; иностранные граждане; лица без гражданства; личность преступника; криминальные риски; преступность; уголовный закон.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Новичков В.Е. О критериях систематизации криминальных рисков и о факторах преступности в миграционной сфере современной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 192–205. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-195-205>.

Поступила в редакцию 11.02.2025

Принята к публикации 02.04.2025

Опубликована 28.04.2025

On the criteria for systematizing criminal risks and on the factors of crime in the migration sphere of modern Russia

Valery E. Novichkov¹✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str., Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. The importance of this study is determined by the need for continuous analysis of the criminogenic danger accompanying migration flows; the study of general social, group and individual aspects of migration, as well as the characteristics of migrants arriving in Russia for various reasons and the need to systematize criminal threats and risks.

Purpose: a reassessment of the risks associated with criminal activity in migration flows is necessary to improve strategies to combat crime in this area and to develop clear criteria for classifying the identity of a criminal migrant.

Objectives: obtaining objective data on the dynamics and proportion of migration crime; studying and determining the dangers inherent in migration flows, as well as the directions of their evolution; identifying factors influencing the state of migration and personal characteristics of migrants that generate criminal risks in the Russian Federation, systematizing and analyzing the information obtained and formulating the conclusions of the study.

Methodology. In studying the research problem, general and specific methods of cognition were used: dialectical, statistical methods, comparative analysis method, synthesis, deduction and induction, system-structural, sociological and content analysis.

Results. The features of modern migration, migrant behavior and their impact on the emergence of criminal and other risks and threats in Russia are analyzed, the factors influencing the commission of crimes by foreign citizens and stateless persons are detailed, as well as the possibilities of influencing the behavior of migrants by modern legislation and law enforcement; certain conclusions are made.

Conclusions. The results of this study contribute to a deeper scientific understanding of the mechanisms of influence of migrant behavioral characteristics on their individual criminal behavior and the deformation of this person's behavior, on the occurrence of criminal risks and crimes in modern Russia because of this. The paper substantiates that migrant behavioral characteristics can be transformed into various kinds of social risks that threaten Russian citizens, their personality, health, inviolability of freedoms, property, public safety and public order. The considered behavioral characteristics of migrants, under certain conditions, are a trigger mechanism for the processes of risk creation and the commission of crimes by them, which predetermines one of the directions of crime prevention in the migration sphere.

Keywords: migration; migrants; foreign citizens; stateless persons; personality of the criminal; risks; crime; criminal law.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Novichkov V.E. On the criteria for systematizing criminal risks and on the factors of crime in the migration sphere of modern Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(2):192–205. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-192-205>.

Received 11.02.2025

Accepted 02.04.2025

Published 28.04.2025

Введение

Иностранцы, прибывающие в Россию с разнообразными намерениями, создают вокруг себя новые социальные группы, характеризующиеся различными

поведенческими моделями. Естественно, их влияние распространяется на существующие в российском обществе общественные и психологические нормы, включая политические, экономические,

социокультурные, бытовые, ментальные, религиозные и другие параметры.

Специфика привнесенных ими установок может как облегчать, так и усложнять процесс адаптации и интеграции мигрантов в новой для них среде. Ученые отмечают, что миграция, помимо позитивных перспектив [1], несет с собой социальную напряжённость и потенциальные «риски криминогенности» [2], внутренние и внешние противоречия [3], в числе которых и самые деструктивные производные – преступность иностранных граждан и лиц без гражданства и общественно опасные деяния в отношении этих лиц [4].

Несмотря на то, что этим обособленным миграционным процессам уделяется повышенное внимание, криминогенные аспекты миграции остаются слабо изученными или излишне тенденциозными. В то же время представляется, что эффективная реализация миграционной политики, имеющей стратегическую важность для государства, невозможна без постоянного изучения этого составного элемента в целях эффективного управления людскими потоками в рассматриваемой сфере [5].

Настоящая статья продолжает серию авторских исследований по определению общесоциальных и иных факторов [6], социально-психологических и иных черт, качеств и особенностей личности мигранта, порождающих возникновение криминальных рисков [7], последствиями которых выступают общественно опасные деяния в сфере миграции.

Методология

При изучении проблемы темы исследования применялись всеобщие, общенаучные и специальные методы познания: диалектический, на основе которого изучались факторы, влияющие на возникновение криминологических (криминальных) рисков, вызывающих в том числе преступность мигрантов в сегодняшних российских реалиях; эмпириче-

ский, статистический методы, метод сравнительного анализа, синтез, дедукция и индукция, с помощью которых изучалась, обобщалась и интерпретировалась значимая для исследования криминальных рисков информация, а также оценивались собственные решения, опираясь на результаты, представленные в работах иных ученых; с помощью контент-анализа определялись фактические характеристики криминогенности и личности-мигранта. Полученные данные сравнивались со всей совокупностью информации и экстраполировались в динамику будущих криминальных рисков и преступности в миграционной сфере.

Результаты и их обсуждение

Миграция – это многогранное и сложное явление, охватывающее социальные, территориальные и экономические аспекты перемещения людей, социальных групп и отдельных личностей. Она включает в себя передвижение людей по различным территориям, а также перераспределение населения между странами, городами и населёнными пунктами. Мигранты, находясь за пределами своей родины, продолжают поддерживать контакты с близкими, а также с родными местами, что способствует формированию новых жизненных стратегий. Они активно интегрируются в повседневную жизнь и институциональные структуры принимающего государства. Таким образом, такие лица одновременно существуют как бы в двух пространственных реалиях: с одной стороны, они остаются гражданами своей родной страны, а с другой – вынуждены существовать в относительно чуждом для них окружении из-за различных обстоятельств и причин.

В современной научной литературе выделяют несколько критериев классификаций «миграционных рисков» [7, с. 76], включая индикаторы систематизации мигрантов как совокупности психофизических характеристик и свойств их

личности [9, с. 245]. Последние, как отмечают авторы монографии о миграционных рисках под редакцией Р.Р. Фахрутдинова, обладают уникальными социокультурными и иными особенностями, способными к изменению поведения мигранта, как в конфликтном аспекте, так и в правомерном направлении [10, с. 107].

Преимущественно распространенные классификации миграционных процессов и рисков обычно основываются на территориально-географических и временных аспектах. Например, В.А. Каламанов, В.И. Моисеенко, С.В. Рязанцев и другие критериями «миграционных процессов» предлагают считать пространство, расстояние и время, периодичность, основанные на причинах миграции и законодательстве, регулирующем миграционную сферу в России [11, с. 6–8].

Т.А. Нигматуллина предлагает за критерий личности мигранта признавать его «социальный статус» (наемный работник, предприниматель, специалист, инвестор) [12, с. 23].

Е.Л. Рябова и Т.М. Бормотова в критерии «свойств личности мигранта» и «миграционные риски» включают: национальные особенности мигрантов, их традиции, обычаи, уровень правосознания, состояния преступности и т. д. [13, с. 8]

Не вынося суждений о предлагаемых схемах, отметим только то, что из дальнейшего анализа текстов работ вытекает, что перечисленные логико-языковые лексемы (расстояние, время, периодичность, причины, законодательство и др.) авторы отождествляют с понятием «миграция». Даже если теоретически допустить реализацию подобных критериев (пространство, время и т. д.), то с точки зрения теоретико-прикладной пользы для научных отраслей, практик, общественных и государственных институтов они вызывают скептицизм. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, исследуя вопросы классификации миграции и факторов рисков, связанных с ней, практическое применение

вышеперечисленных критериев представляется маловероятным в силу «полной классификационной «каши» [14, с. 4–5, 9].

Мы убеждены, что создание классификаций для анализа таких сложных явлений, как миграция и сопутствующие ей криминальные угрозы, неизбежно связано с определённой степенью неточности. Это обусловлено сложностью разработки точных и истинно необходимых критериев для таких систематизаций.

Н.А. Лопашенко в цикле научных работ, посвященных «шкале рисков криминогенности миграционных процессов», проанализировав официальные данные о преступности мигрантов с 2005 по 2016 г., которые показали снижение за последние 2 года в среднем на 80% [8, с. 74], избрала в качестве критерия определения «рисков криминогенности миграционных процессов (миграции)», по сути, критерии категоризации преступлений (ст. 15 УК), подразделив их на: 1) минимальные риски; 2) существенные риски; 3) высокие риски; 4) риски с высочайшей степенью опасности [15, с. 18].

Опираясь на обширный опыт в изучении «криминальных рисков в миграционной сфере», подкрепленный экспертной оценкой и статистическими данными, М.Н. Урда проанализировала влияние мер по борьбе с COVID-19 на миграционные процессы в России и возможности управления ими в период массовых заражений [16]. В результате исследования она представила комплекс потенциальных мер, необходимость которых обусловлена динамично меняющейся эпидемиологической обстановкой в стране. Предлагаемые меры призваны оптимизировать миграционные риски и ситуацию в миграционной сфере, учитывая ежегодные изменения в распространении различных инфекций. Кроме того, автор совершенно справедливо констатирует, что определение комплекса мер правового воздействия должно базироваться на итогах анализа сложившейся обстановки,

принимая во внимание степень ее серьезности, продолжительность и охват. Принятие же конкретного управленческого решения разумно основывать на рекомендациях компетентных государственных структур, обладающих полной информацией о специфике появления криминальных угроз в миграционных потоках [16, с. 67].

Последние два направления научных исследований могут быть взяты за основу дальнейших исследований в определенной части изучения эффективного воздействия на возможные криминальные риски в миграционной сфере и разработку на их основе миграционной и уголовной политики [17, с. 218].

При разработке систем классификации в области миграции, особенно когда речь идет о её криминогенной составляющей, личностных характеристиках мигрантов [9, с. 241, 245] и прочих аспектах, необходимо учитывать как объективные, так и субъективные факторы, включая личные и социально-психологические характеристики [12, с. 130–140]. Такое разделение может служить основой для более тонкой категоризации рисков, связанных с криминогенностью миграционных процессов [18, с. 221–222]. Эти факторы способны вызывать как положительные, так и отрицательные последствия, включая риски, конфликты, правонарушения и преступления.

В городах России, где активно представлены крупные национальные диаспоры, среди местных жителей укрепилось мнение о мигрантах как об источнике угрозы. Считается, что их прибытие в страну обусловлено не созидательными целями, а деструктивными намерениями. Такое восприятие активно формируется благодаря средствам массовой информации, интернет-платформам и различным общественным организациям, что, в свою очередь, порождает негативное отношение коренного населения к иностранцам

и их присутствию в России¹. Это создает предпосылки для нарастания агрессии среди местных жителей и усиливает неприязнь к мигрантам.

Однако данные официальной статистики за последние пять лет демонстрируют тенденцию к снижению преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства, а также устойчивое уменьшение числа правонарушений по основным категориям. Наблюдаемая тенденция к ежегодному снижению данного вида преступности составляет в среднем 3,5%². Отмечено существенное сокращение числа тяжких преступлений: убийств и покушений на убийство (на 4,5%), разбойных нападений (на 27%), грабежей (на 25,8%), преступлений, связанных с нелегальным оборотом наркотических веществ (на 12,3%), случаев причинения тяжкого вреда здоровью (на 12,5%), краж (на 9,2%) и др.³

В 2024 г. зафиксировано уменьшение общего количества преступлений, совершенных мигрантами, на 3,8%⁴. Не-

¹ Мигранты становятся хозяевами? // Мир новостей. 2024. 29 авг. URL: <https://mirnov.ru/obshchestvo/migranty-stanovjatsja-hozjaevami.html> (дата обращения: 10.01.2025); Мигрант получил гражданство и стал угрожать русским: «Мы управляем Россией» // Новости. 2024. 10 авг. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/316200049> (дата обращения: 10.01.2025).

² Криминальные итоги 2024 года по данным МВД РФ // True Crime Story: сайт. URL: <https://www.truecri-mestory.ru/stati/kriminalnyye-itogi-2024-goda-po-dannym-mvd-rf/> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2024 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/57279296/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ МВД России отмечает снижение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации // Управление МВД России по Тульской

смотря на эту негативную тенденцию к исходу 2024 г. российские судебные инстанции приняли решения о «выдворении» из страны свыше 80 тыс. иностранных подданных и апатридов по различным основаниям (для сравнения в 2023 г. эта цифра составила 44,2 тыс. человек)¹.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация обусловлена ужесточением нормативно-правовой базы в сфере контроля за иностранцами и лицами без гражданства, а также интенсификацией правоохранительной деятельности, направленной, в частности, на снижение криминогенных рисков, связанных с миграционными процессами.

В 2024 г. правовая база России, касающаяся миграции, пополнилась рядом взаимосвязанных законов и поправок. К примеру, Федеральный закон № 260-ФЗ, датированный 8 августа 2024 г., вносит изменения в ряд действующих законов РФ, ставя своей целью укрепление контроля государства за пребыванием в стране иностранных граждан и лиц без гражданства. Этот законодательный акт вводит в правовой оборот новые термины, такие как «режим высылки», применяемый к мигрантам, чье пребывание в России не подкреплено законными основаниями, и «контролируемое лицо», обозначающее иностранцев, не предоставивших документы, подтверждающие их право на нахождение или проживание на территории Российской Федерации².

области: сайт. URL: <https://71.мвд.рф/news/item/58555827?year=2025&month=1&day=6> (дата обращения: 10.01.2025).

¹ Приставы рассказали, сколько мигрантов было выслано из России в 2024 году // Национальный акцент: сайт. URL: <https://nazaccent.ru/content/43364-pri-stavy-rasskazali-skolko-migrantov-bylo-vysla-no-iz-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения: 10.01.2025).

² См., например: дополнения п. 1, 33 ч. 1 ст. 12, п. 15.1 ч. 1 ст. 13 и другие в Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». См.: О полиции: Федер. закон от 7 февр. № 3-ФЗ: посл ред. // КонсультантПлюс:

В контексте представленных нововведений в отношении «контролируемого лица» могут быть применены различные инструменты государственного надзора, такие как внесение в соответствующий список, установление ограничений в правах и свободах, а также задержание и помещение в специализированное учреждение.

Уголовное законодательство страны по противодействию незаконной миграции также претерпело значительные изменения и обновления. С 9 ноября 2024 г. начал действовать Федеральный закон № 383-ФЗ, который вводит дополнительные инструменты для борьбы с нелегальной миграцией.

Статья 63 Уголовного кодекса РФ дополнена п. «у» Федеральным законом от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ, который устанавливает, что совершение преступления лицом, нелегально пребывающим на территории Российской Федерации, является обстоятельством, отягчающим наказание.

Также федеральные законы от 9 ноября 2024 г. № 387-ФЗ и № 383-ФЗ внесли коррективы в ст. 104.1 и 322.1 Уголовного кодекса РФ.

В ст. 322.1 УК РФ, касающуюся организации незаконной миграции, были внесены коррективы. В частности, ч. 2 была расширена уточняющими характеристиками, а также добавлена новая ч. 3. Эта новая часть устанавливает уголовную ответственность и предусматривает наказание за действия, совершённые организованной группой или направленные на совершение тяжких или особо тяжких преступлений на территории РФ.

В течение нескольких месяцев, с конца 2024 г. до настоящего времени, в стране активно обсуждалась необходимость ужесточения миграционных законов [19, с. 162] и усиления борьбы с преступлениями, совершаемыми иностран-

сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 10.01.2025).

ными гражданами и лицами без гражданства [17, с. 214]. Предложения специалистов в основном касались: а) ужесточения уголовной ответственности и мер уголовного наказания за любые формы нелегальной миграции в Россию, в том числе за нелегальную, теневую занятость данной категории лиц, а также более четкой классификации преступлений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства на территории РФ [3, с. 263, 268–269]; б) разработки стратегий для борьбы с неформальной занятостью и нестабильной работой мигрантов, достижение легитимности, социального паразитизма, а также для своевременного предотвращения криминальных рисков, конфликтов и их эффективного разрешения, чтобы миграционные процессы могли приносить пользу [17, с. 220–221]; в) развития сотрудничества и взаимодействия в рамках международных организаций [19, с. 156–157].

Результаты анализа современных изысканий российских ученых в области криминальных рисков и преступности иностранных граждан и лиц без гражданства свидетельствуют о том, что основная часть искомых субъектов не предрасположена к созданию проблем и угроз в миграционных процессах, которые могли бы вызывать конфликты или способствовать их зарождению [20, с. 47].

Изучение научных работ в сфере преступности миграции демонстрирует, что исследователи формируют свои заключения, опираясь в основном на сведения из официальных статистических источников [21, с. 245]. При этом акцент делается не только на изменении этих показателей во времени и в динамике, но в большей степени на их процентном соотношении (удельном весе) ко всей преступности, зарегистрированной в России, что, на наш взгляд, следует считать наиболее правильным [22, с. 215–217].

В современных криминологических работах высказывается мнение о волнообразном характере динамики преступ-

ности, связанной с миграцией, а не о ее прямолинейном тренде [23, с. 48]. Но анализ реальной статистической отчетности различных правоохранительных органов за одновременные периоды демонстрирует, что увеличение числа правонарушений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства, фиксировалось лишь в 2018 и 2019 гг. (около 3,3%) [24, с. 232]. В последующие годы отмечалось устойчивое снижение этого показателя в среднем на 3,5% ежегодно. Доля этих преступлений в общей структуре преступности варьировалась от 0,2% до 0,7% [25, с. 197].

Как уже упоминалось, анализ данных за период с 2019 г. по настоящее время демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению преступности среди мигрантов в среднем на 3,5% в год. Эта тенденция сохранилась и в 2024 г., когда количество преступлений, совершенных мигрантами, уменьшилось на 0,9% по сравнению с 2023 г. Параллельно наблюдается значительное сокращение преступлений, жертвами которых становятся иностранные граждане и лица без гражданства – на 17,2%.

В общей сложности в 2024 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 38 578 преступлений, что на 0,9% меньше, чем годом ранее, и составляет 4,3% от общего числа преступлений. При этом из указанного количества преступлений, совершенных иностранцами, 32 706 преступлений приходится на граждан стран СНГ, что на 0,6% больше, чем в 2023 г., и составляет 3,7% от общего числа преступлений¹.

В 2024 г., несмотря на общее снижение числа нарушений закона, связанных с незаконной миграцией в России, наблюдается тревожный рост тяжких и особо

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKO-LAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

тяжких преступлений, в которых замешаны мигранты. Статистика правоохранительных органов свидетельствует о значительном увеличении случаев организации нелегальной миграции: в первом полугодии 2024 г. этот показатель вырос на 132,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹.

По информации Следственного комитета РФ, в 2024 г. было открыто 74 уголовных дела по фактам подготовки к террористическим актам с участием мигрантов, что на 10% превышает прошлогодние данные. Число убийств и других особо тяжких преступлений, совершенных мигрантами, достигло 4380, что на 11% больше, чем в 2023 г. Зарегистрировано 2411 случаев изнасилований, совершенных мигрантами, что на 40% выше предыдущего года. Также отмечен резкий рост (на 280%) преступлений против общественной безопасности и общественного порядка – 8059 случаев, в то время как в 2023 г. было зафиксировано лишь 2880 подобных правонарушений.

Тем не менее несмотря на наличие статистических, исследовательских и иных данных о преступлениях, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства, они не позволяют в полной мере выявить факторы, определяющие преступность и, соответственно, риски в миграционной сфере, а также специфические социально-психологические и личностные черты преступника-мигранта. Это затрудняет предупреждение, раскрытие и прогнозирование преступности, криминологических и криминальных рисков, исходящих от данной категории лиц, поскольку отсутствуют четкие критерии для уточнения этих рисков на основе, например, характеристик личности мигранта, совершившего преступление.

Исследователи выделяют ряд социокультурных, социально-психологических

и индивидуальных особенностей мигрантов, способных создавать трудности и опасности, провоцировать криминальные и иные негативные риски [26, с. 85–86].

Д.О. Труфанов и Р.Г. Рафиков отмечают, что к факторам, увеличивающим вероятность преступлений и иных негативных последствий, относятся: 1) сохранение национальной идентичности, проявляющееся в культурных ценностях, религиозных убеждениях, мышлении, образе жизни и поведении иноязычных мигрантов; 2) образование этнических сообществ в принимающей стране, где поддерживаются традиции и элементы родной культуры; 3) особый юридический статус иностранных граждан, чье положение регулируется государством посредством законов о въезде, проживании, работе и т. д. [27, с. 98–99, 105]

Авторы подчеркивают, что именно в этом сложном сочетании общественных, социальных и национальных факторов возникают и реализуются миграционные угрозы, оказывающие значительное влияние на криминогенную обстановку и другие сферы жизни общества [23, с. 106–107].

Хотя первая часть представленной структуры характеристик не вызывает сомнений, вторая представляется дискуссионной. Причина кроется в существовании среди мигрантов, аналогично другим социальным группам, так называемых «отверженных» – индивидов, отторгаемых их собственной мигрантской средой по ряду причин. К этой категории можно отнести, например, «люли» – восточных цыган, принадлежащих к касте «нечистых», или «мугатов» – «огнепоклонников», а также джуги – персоязычный народ, мусульман, преступивших нормы шариата или игнорирующих обычаи своего тейпа.

Подобные лица потенциально представляют опасность, поскольку, будучи вынужденными существовать и трудиться в условиях, значительно уступающих тем, что доступны их соотечественникам, подвергаются моральному и физическому давлению со стороны соплеменников

¹ Следственный комитет России опубликовал статистику преступлений, совершённых мигрантами за 2024 год // Дзен. 2025. 5 янв. URL: <https://dzen.ru/video/watch/677a68eef405b90b524bbe6d> (дата обращения: 14.01. 2025).

и местного населения, что создает повышенный риск конфликтов и правонарушений.

Представленная ранее трехступенчатая модель факторов, повышающих вероятность криминогенных рисков в миграционной среде, несмотря на показанные нами просчеты, отличается простотой и практичностью для последующей систематизации этих рисков, хотя организация (критерии) факторов может быть иной. К примеру, первый уровень мог бы включать личные характеристики мигранта и его территориальное расположение в Российской Федерации (гетто или геттоизация). На втором уровне можно анализировать взаимоотношения между мигрантами внутри социальных групп, организаций и институтов. Третий уровень может быть сосредоточен на коммуникативных последствиях взаимодействия мигрантов, включая социальные и религиозные нормы, ценности, традиции, степень общественной активности и пр. В итоге такая система будет отражать социокультурные особенности социально-психологических групп мигрантов и личности мигранта, которые могут либо провоцировать различные риски, в том числе криминального характера, либо нет.

Другими словами, каждый уровень предложенной нами системы анализирует потенциальные риски, учитывая не только индивидуальные особенности, но и социально-психологические аспекты (групповые), а также влияние национальных объединений, представляющих мигрантов из разных государств.

С одной стороны, этнические и национальные диаспоры, образовавшиеся в России, оказывают поддержку органам власти в обеспечении притока необходимого числа мигрантов из своих стран. Они предоставляют прибывшим мигрантам социальную, правовую и другие виды помощи, способствуя их более успешной адаптации к законодательству, традициям и языку принимающей страны.

В то же время этнические диаспоры способны использовать своих членов для продвижения интересов лидеров общин в принимающей стране, включая и их сомнительные цели. В подобных ситуациях защита личных выгод глав национальных объединений может привести к рассогласованию приоритетов мигрантов и коренных жителей России. В результате такое неравенство способствует расширению социальной дистанции между мигрантами и местным населением, а также увеличению вероятности криминальных действий, отклоняющегося и преступного поведения среди обеих групп.

Важно понимать, что в крупных районах компактного проживания этнических меньшинств формируются обособленные мигрантские общины, которые традиционно рассматриваются как среда, способствующая возникновению криминогенной обстановки, различных рисков, преступлений, а также организованной преступной деятельности [28, с. 697–698].

Действительно, нужно понимать, что прибытие иностранца в новую страну, как мы отмечали, уже само по себе создает потенциал для конфликтов: незнакомые лица вокруг, другой язык и письменность, отсутствие встречи и предоставления жилья. Приезжий сталкивается с чуждой системой ценностей, как материальных, так и духовных, а следовательно, взаимодействие мигрантов и принимающего общества с самого начала предрасположено к конфликтным ситуациям, к рискам миграционных процессов. Фактически обе стороны воспринимают друг друга как «чужих» из-за различий в социальных нормах, символах, нарративах и практиках. Эти различия со временем могут привести к увеличению социальной дистанции между иностранными гражданами, лицами без гражданства, переехавшими в страну, и принимающим их российским обществом.

Каждая этническая группа, по нашему мнению, склонна считать собственные ценностные ориентиры, поведенческие

паттерны и социокультурные устои эталоном, достойным подражания. Эта «идеальная» национальная идентичность, пусть и косвенно, активно транслируется через медиа и другие каналы информации. В результате подобного информационного воздействия в восприятии многих россиян мигранты и представители схожих этнических групп часто не различаются. Создается обобщенный образ, в котором стираются индивидуальные черты и нюансы. Например, обывателю зачастую сложно провести четкую грань между таджикскими мигрантами и таджиками, имеющими российское гражданство, или между азербайджанцами из Азербайджана и азербайджанцами, давно проживающими в России. В подобных ситуациях мигрант как реально действующий / актор, способен выступать своеобразным усилителем социальной напряженности, порождая разнообразные риски, включая криминальные. Следовательно, обладание разными правовыми статусами у представителей одной национальности может провоцировать у россиян усиленное (ошибочное) ощущение, что текущий уровень миграции в России способствует увеличению маргинализации и преступности среди приезжих (межэтнические конфликты, «факторы межэтнической агрессии и насилия» [26, с. 86].

Вполне очевидно, что индивидуальные особенности мигрантов, даже при применении общепринятых методов оценки, могут существенно отличаться. Эти расхождения становятся особенно явными при исследовании территориального распределения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и апатридами [2, с. 232]. Например, при изучении уровня преступности среди мигрантов и личности преступника-мигранта в Дальневосточном федеральном округе [24] и Центральном федеральном округе России (Юг Черноземья) [7] выделяются несколько другие признаки социально-демографической характеристики рассматриваемых лиц. В частности, исследования показали, что преступники мигранты – это: а) лица мужского

пола; б) в возрасте от 40 до 50 лет [24, с. 231–233]; в) имеющие специальное среднее и высшее образование; г) без постоянного источника дохода или без рабочей лицензии; г) неженатые, но достаточно часто имеющие на своём иждивении детей [7, с. 136].

По нашему мнению, подобные и другие уникальные черты следует рассматривать в качестве второстепенных, специфических атрибутов, дополняющих общую картину научного изучения личности преступника-мигранта. Это связано с тем, что они выделяются на фоне типологических особенностей личности преступника, являющегося гражданином Российской Федерации, чей удельный вес имеет первостепенное значение.

На основании анализа исследований ученых в сфере криминальных рисков, изучения личности преступника-мигранта, факторов, преступности и тенденций в миграционной сфере мы пришли к обобщениям и выводам о том, что криминогенные риски возникают из-за: 1) относительной мягкости российского административного, уголовного и иного законодательства в сфере миграции, а также практики его применения. Это позволяет преступникам-мигрантам избегать полноценной ответственности, в том числе скрываться в стране своего гражданства; 2) недостаточного внимания органов исполнительной власти к проблемам интеграции и адаптации иностранцев; 3) низкого уровня владения русским языком, недостаточной общей и правовой культуры, моральных устоев у большинства прибывающих иностранцев; 4) привнесения и попыток навязывания собственных национальных, религиозных и этнических норм, противоречащих российским; 5) нелегального, незаконного пребывания мигрантов на территории Российской Федерации; 6) слабого контроля за соблюдением миграционного законодательства со стороны прокуратуры и судов; 7) высокой степени гуманности, терпимости и виктимности российских граждан; 8) недостаточной или искаженной правовой защиты со стороны земля-

честв и диаспор; 9) воздействия внешних «агрессивных сил», целенаправленно использующих иностранных граждан и лиц без гражданства для подрыва основ российского государства.

Выводы

Миграционные явления и отношения, как правило, двухаспектны. Они способствуют как обогащению культурного и иного разнообразия, так и могут создавать угрозы для стабильности принимающей российской стороны и её регионов. В связи с последним аспектом предотвращение криминологических рисков, а также конфликтов между мигрантами и местным населением становится все более актуальной задачей современного общества и государства. Важно отметить, что понятие криминологических рисков имеет множество аспектов и применяется в различных социальных областях, что придает ему уникальные черты или даже уникальный характер. Согласно исследованиям основных характеристик личности мигранта-преступника, рассматриваемые субъекты могут иметь общие черты с преступниками среднего уровня. Необходимо понимать, что стереотипы, негативное восприятие, предвзятость и другие субъективные моменты, сопутствующие восприятию мигрантов населением России, не приводят к обоснованным и правильным решениям в сфере миграционной политики. Помимо этого важно учитывать, что негативное отношение имеет существенные различия в оценке поведения разнообразных кластеров иностранных граждан и лиц без

гражданства, которые также часто проецируются как на «иностранцах», так и на граждан Российской Федерации. Рассматриваемые отношения отличаются и в разных регионах нашей страны и среди различных социальных слоев населения. В узком плане обобщение и генерализация негативных стереотипов мешают оценке криминологических рисков, а в широком смысле – формированию толерантного и разнообразного общества.

Новое понимание интеграции в связи с миграцией как постоянного процесса объединения разных частей общества в одно целое становится все более распространенным. Перспективным подходом к интеграции иммиграционных сообществ представляется стратегия, которая фокусируется не только на мигрантах, но и на социально уязвимых группах и территориях. Кроме того, она предполагает вовлечение большего числа участников в процесс интеграционной политики. Несмотря на потенциал данного направления, его результативность пока требует дальнейшего подтверждения.

Отметим, что на сегодняшний день отечественная миграционная политика несколько запоздало, но все же реагирует на риски, связанные с пребыванием в стране иностранцев и лиц без гражданства. Последние законодательные решения в сфере миграции, на которые мы ссылаемся в данном исследовании, должны обнадежить российских правоприменителей в части своевременного реагирования на те или иные моменты их работы с мигрантами.

Список литературы

1. Айрапетян С.С. Преимущества и недостатки миграции // Молодой учёный. 2023. № 51 (498). С. 200–202.
2. Дроздова Ю.А., Бардаков А.И. Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ: монография. Волгоград: Изд-во ВИУ РАНХиГС, 2021. 296 с.
3. Землянухина Н.С., Землянухина С.Г., Суворова В.В. Проблемы системы миграционных отношений в России как проявление противоречий этой системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 262–274.
4. Коршунова В.А. Миграция населения в России: понятие и классификация // Молодой учёный. 2023. № 40(487). С. 215–217.

5. Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. Миграционная преступность в современном мегаполисе: управление рисками // Управление. 2019. № 4. С. 140–148.
6. Новичков В.Е. Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 159–174.
7. Новичков В.Е. Некоторые аспекты криминологической характеристики преступности иностранцев и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. Т. 49, № 1(69). С. 131–140.
8. Лопашенко Н.А. Криминогенность миграционных процессов: и снова о шкале рисков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 71–81.
9. Маммадов Р.Э. Криминологические особенности личности преступника-мигранта и его психологическая характеристика // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2020. № 3(61). С. 239–246.
10. Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов. Евразийский и европейский опыт решения: монография / Р.Р. Фахрутдинов, В.Т. Сакаев, Р.И. Измайлов [и др.]; под общ. ред. Р.Р. Фахрутдинова [и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. 250 с.
11. Управление миграционными процессами / В.А. Каламанов, В.М. Моисеенко, С.В. Рязанцев [и др.]; отв. ред. В. А. Каламанов. М.: МОРФ ГУУ, 2003. 222 с.
12. Нигматуллина Т.А. Миграция и управление движением человеческих ресурсов: политический и социокультурный дискурсы. Уфа: Изд-во Башкир. ин-та социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. 208 с.
13. Рябова Е.Л., Бормотова Т.М. Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование: монография. М.: Международ. изд. центр «Этносоциум», 2015. 128 с.
14. Рыбаковский Л.Л. Классификация миграции населения: основания и таксоны // Народонаселение. 2016. № 3. С. 4–16.
15. Лопашенко Н.А. О шкале рисков криминогенности миграционных процессов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 16–18.
16. Урда М.Н. Управление миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 62–70.
17. Юрченко И.А. Государственная миграционная политика Российской Федерации: уголовно-правовые риски // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 4. С. 211–220.
18. Шафиев Р.М., Гераськина А.Р. Оптимизационные триггеры взаимовлияния факторов и рисков трудовой миграции // Прогрессивная экономика. 2025. № 2. С. 220–240.
19. Кучумова Е.В., Гафаров М.С., Саблина М.А. Специфика внешней миграции в России на современном этапе: проблемы и механизмы регулирования // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27, вып. 4. С. 137–163.
20. Гаджимурадов Ш.А. Современная оценка состояния миграционной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 73–79.
21. Кочеткова Н.Д. Миграционные риски как факторы выявления основных направлений превенции в механизме реализации миграционной политики Российской Федерации // Административное право и практика администрирования. 2018. № 6. С. 23–28.
22. Рашитов Л.Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С. 214–219.
23. Васильченко К.В. Преступность в среде мигрантов, как объект криминологического исследования // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Махачкала: Ин-т развития образования и консалтинга, 2021. С. 46–51.
24. Самойлюк Н.В. Незаконная миграция как источник криминогенной ситуации на территории Дальневосточного федерального округа // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2013. С. 231–233.

25. Телегина Е.Г., Назаренко Е.В. Криминологическая характеристика миграционной преступности и её предупреждение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 193–199.
26. Богдан С.С. Факторы межэтнической агрессии и насилия во взаимодействии общностей мигрантов и местного населения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2(29). С. 85–92.
27. Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // Siberian Socium. 2018. Т. 2, № 1. С. 97–114.
28. Бедрина Е.Б. Этнические анклавы мигрантов в городском пространстве российских регионов // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XII Международной конференции. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. С. 697–704.

References

1. Airapetyan S.S. Advantages and disadvantages of migration. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(51):200-202. (In Russ.)
2. Drozdova Yu.A., Bardakov A.I. Migration risks in a multiethnic region: a socio-managerial analysis. Volgograd: Izd-vo VIU RANKhiGS; 2021. 296 p. (In Russ.)
3. Zemlyanukhina N.S., Zemlyanukhina S.G., Suvorova V.V. Problems of the migration relations system in Russia as a manifestation of the contradictions of this system. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2024;24(3):262-274. (In Russ.)
4. Korshunova V.A. Population migration in Russia: concept and classification. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(40):215-217. (In Russ.)
5. Yudina T.N., Bormotova T.M. Migration crime in a modern megalopolis: risk management. *Upravlenie = Management*. 2019;(4):140-148. (In Russ.)
6. Novichkov V.E. Some criminological features of crime in the migration sphere. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(6):159-174. (In Russ.)
7. Novichkov V.E. Some aspects of criminological characteristics of crime of foreigners and stateless persons who arrived in the Russian Federation. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*. 2024;49(1):131-140. (In Russ.)
8. Lopashenko N.A. Criminogenicity of migration processes: and again about the risk scale. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(5):71-81. (In Russ.)
9. Mammadov R.E. Criminological features of the migrant criminal's personality and his psychological characteristics. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2020;(3):239-246. (In Russ.)
10. Fakhrutdinov R.R., Sakaev V.T., Izmailov R.I., et. al. Migration risks as a conflict risk factor. The Eurasian and European experience of solving. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta; 2020. 250 p. (In Russ.)
11. Kalamanov V.A., Moiseenko V.M., Ryazantsev S.V. Migration management. Moscow: MORF GUU; 2003. 222 p. (In Russ.)
12. Nigmatullina T.A. Migration and human resource management: political and socio-cultural discourses. Ufa: Izd-vo Bashkir. In-ta sotsial'nykh tekhnologii (filiala) Obrazovatel'nogo uchrezhdeniya profsoyuzov vysshego obrazovaniya "Akademiya truda i sotsial'nykh otnoshenii"; 2016. 208 p. (In Russ.)
13. Ryabova E.L., Bormotova T.M. Migration management in modern Russia: political forecasting. Moscow: Mezhdunarod. izd. tsentr "Etnosotsium"; 2015. 128 p. (In Russ.)
14. Rybakovskii L.L. Classification of population migration: bases and taxa. *Narodonaselenie = Population*. 2016;(3):4-16. (In Russ.)
15. Lopashenko N.A. On the scale of criminogenicity risks of migration processes. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2017;(6):16-18. (In Russ.)

16. Urda M.N. Migration crime management in the context of a pandemic. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2020;(3):62-70. (In Russ.)
17. Yurchenko I.A. The State migration Policy of the Russian Federation: criminal law risks. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (VGYUA) = Courier Kutafin University Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;(4):211-220. (In Russ.)
18. Shafiev R.M., Geras'kina A.R. Optimization triggers of the interaction of factors and risks of labor migration. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economics*. 2025;(2):220-240. (In Russ.)
19. Kuchumova E.V., Gafarov M.S., Sablina M.A. The specifics of external migration in Russia at the present stage: problems and regulatory mechanisms. *Rossiya v global'nom mire = Russia in Global Affairs*. 2024;27(4):137-163. (In Russ.)
20. Gadzhimuradov Sh.A. Modern assessment of migration crime. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):73-79. (In Russ.)
21. Kochetkova N.D. Migration risks – as factors for identifying the main directions of prevention in the mechanism of implementation of the migration policy of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = Administrative Law and Practice of Administration*. 2018;(6):23-28. (In Russ.)
22. Rashitov L.R. The concept, state and structure of migrant crime in modern Russia. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(2):214-219. (In Russ.)
23. Vasil'chenko K.V. Crime among migrants as an object of criminological research. In: *Razvitie nauki i praktiki v global'no menyayushchemsya mire v usloviyakh riskov: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Development of science and practice in a globally changing world at risk: proceedings of the International scientific and practical conference*. Makhachkala: In-t razvitiya obrazovaniya i konsaltinga; 2021. P. 46-51. (In Russ.)
24. Samoilyuk N.V. Illegal migration as a source of the criminogenic situation in the Far Eastern federal district. In: *Problemy obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka v Dal'nevostochnom regione: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Problems of ensuring law and order in the Far Eastern region: proceedings of the International scientific and practical conference*. Khabarovsk: Dal'nevostochnyi yurid. in-t MVD RF; 2013. P. 231-233. (In Russ.)
25. Telegina E.G., Nazarenko E.V. Criminological characteristics of migration crime and its prevention. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2020;(2):193-199. (In Russ.)
26. Bogdan S.S. Factors of interethnic aggression and violence in the interaction of migrant communities and the local population. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2014;(2):85-92. (In Russ.)
27. Trufanov D.O., Rafikov R.G. The migration space of the region and its deformations. *Siberian Socium*. 2018;2(1):97-114. (In Russ.)
28. Bedrina E.B. Ethnic enclaves of migrants in the urban space of Russian regions. In: *Rossiiskie regiony v fokuse peremen: sbornik dokladov XII Mezhdunarodnoi konferentsii = Russian regions in the focus of change: collection of reports of the XII International Conference*. T. 1. Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI; 2018. P. 697-704. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: valery.novichkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: valery.novichkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8976-5672